

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080026683-8

Для цитирования: Габелко О.Л. [Рец. на:] Panichi S. *La Cappadocia ellenistica sotto gli Ariaratidi ca. 250–100 a.C.* Firenze: Leo S. Olschki Editore, 2018. XIV; 132 p. ISBN 978-88-222-6580-7. *Восток (Oriens)*. 2023. № 4. С. 265–272. DOI: 10.31857/S086919080026683-8

For citation: Gabelko O.L. [Review on:] Panichi S. *La Cappadocia ellenistica sotto gli Ariaratidi ca. 250–100 a.C.* Firenze: Leo S. Olschki Editore, 2018. XIV; 132 p. ISBN 978-88-222-6580-7. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 265–272. DOI: 10.31857/S086919080026683-8

PANICHI S. *LA CAPPADOCIA ELLENISTICA SOTTO GLI ARIARATIDI CA. 250–100 A.C.* FIRENZE: LEO S. OLSCHKI EDITORE, 2018. XIV; 132 p. ISBN 978-88-222-6580-7¹

© 2023

О.Л. ГАБЕЛКО ^a

^a – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8321-9195; Researcher ID: S-4667-2017; gabelko@mail.ru

Изучение истории эллинистического Каппадокийского царства представляет собой любопытный историографический феномен – если не сказать парадокс. Выражается он в том непреложном факте, что до недавнего времени ей не было посвящено ни единого специального монографического исследования. Можно по-разному пытаться объяснить это, но так или иначе следует констатировать: работа итальянской исследовательницы Сильвии Паники, профессора Университета Перуджи, могла стать значимым явлением в мировом антиковедении хотя бы потому, что это первая в науке монография, целенаправленно посвященная рассмотрению именно истории эллинистической Каппадокии.

Однако, к сожалению, реальность не совпала с ожиданием. Так, вопросы к автору возникают уже сразу после ознакомления с названием книги. Почему нижняя хронологическая граница исследования обозначена временем ок. 250 г. до н.э. – ведь династия Ариаратидов существовала и пребывала у власти в Каппадокии и раньше? Сама же эта дата, кажется, принята автором как некая данность и в соответствующем месте текста (с. 7) никак не обосновывается (подробнее см. далее). Станным выглядит и то, что исследовательница фактически произвольно прерывает историю эллинистического Каппадокийского царства, что называется, на полуслове, ограничиваясь только историей Ариаратидов. Логика такого решения, в принципе, самоочевидна, но, по сути, в правлении двух каппадокийских царских домов, Ариаратидов и Ариобарзанидов, не существует никакого разрыва: общность событийного контекста окончания первого и начала второго определяется хитросплетениями дипломатического и военного противоборства Рима с Митридатом VI Евпатором

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ «История Каппадокийского царства (IV в. до н.э. – I в. н.э.). Политика, экономика, культура», номер проекта – 22-28-0121.

(в него была втянута и Каппадокия), которое только продолжило нарастать после 100 г. до н.э. Так что уже хронологические рамки исследования с учетом их соответствия значимым историческим реалиям кажутся довольно спорными.

Несколько слов об общем стиле написания работы и организации текста. Прежде всего, создается впечатление, будто автор была сурово ограничена в предоставленном ей листаже либо в сроках написания и торопилась поскорее закончить книгу, чем и объясняется ее незначительный объем. Между тем написание полноценной научной монографии по истории эллинистической Каппадокии на полутора сотнях страниц (включая библиографию и справочный аппарат) априорно представляется невозможным. Конечно, количественный показатель тут имеет относительную значимость, хотя и не стоит забывать народную мудрость, определяющую различие между монографией и брошюрой – в зависимости от того, стоит книга на ребре или нет. Сложно проигнорировать тот факт, что, к примеру, в основательной книге К. Михельса непосредственно каппадокийскому материалу (касающемуся не политической истории как таковой, а только культурной политике царских домов Каппадокии – эвергесии, основанию городов и монетному делу) посвящено в общей сложности почти 80 страниц [Michels, 2009, S. 122–146; 220–246; 310–339] (без учета сравнительно-сопоставительных разделов, где он анализируется в комплексе с вифинским и понтийским материалом).

Текст открывается введением, которое имеет собственное название – «Краткие замечания о состоянии документов» (с. VII–XII) и посвящено исключительно лаконичной характеристике источников: из авторов это Полибий, Диодор и Страбон (ни Аппиану, ни Трогу / Юстину места не находится), по полстраницы уделяется эпиграфике и археологии, страница – нумизматике, ни слова не сказано об археологии². Обзор историографии во введении отсутствует вообще, что представляется далеко не случайным: со знанием литературы по теме у автора серьезные проблемы. В целом библиография книги насчитывает около 250 позиций – никак нельзя сказать, что это исчерпывающе полный список для работы подобного рода. Печально, что читатель не найдет в нем принципиально важных для раскрытия темы работ Д. Глью [Glew, 1987], Л. Бальестерос Пастора [Ballesteros Pastor 2008; 2013(1)]³, С. Дмитриева [Dmitriev, 2006], – я назвал здесь лишь те статьи, в заголовках которых Каппадокия упоминается непосредственно. Этот список можно было бы продолжить, включив в него ряд исследований по периоду диадохов, обобщающие труды по римской политике на Востоке и пр. Самое же, пожалуй, важное упущение С. Паники состоит в незнании ею фундаментального труда ведущего специалиста по эллинистической нумизматике Ф. де Каллатая [de Callataÿ, 1997], в которой анализу монетного дела династии на фоне перипетий истории последних Ариаратидов уделено очень значительное место; в частности, именно бельгийский нумизмат привел наиболее веские аргументы в пользу гибели дома Ариаратидов ок. 100 г. до н.э. – даты, «по умолчанию» принятой автором рецензируемой монографии.

Введение снабжено приложением – экскурсом о генеалогии Ариаратидов, представляющим собой перевод на итальянский пассажа Диодора (XXXI. 19. 1–8) без какого бы то ни было анализа или комментария; гораздо органичнее этот материал смотрелся бы в главе о государственности и царской власти.

² С. Паники не знает работу японского археолога К. Мацумуры о раскопках в Каман Кале-Хююк [Matsumura, 2007], которая дает археологические подтверждения вторжению галатов на северо-западные территории царства (ср. Polyb. XXXI. 12. 13 – 13. 1).

³ Испанский ученый давно и плодотворно работает над понтийско-каппадокийской тематикой, и немало ценного материала по теме содержится практически в любой его работе, опубликованной в последние десятилетия; особо см. содержательную монографию: [Ballesteros Pastor, 2013(2)]. Между тем С. Паники использует только его уже довольно давнюю книгу о Митридате Евпаторе [Ballesteros Pastor, 1996].

Основная часть книги, «Очерк истории и географии», состоит из двух частей. В первой рассматриваются собственно политическая история страны под властью Ариаратидов (с. 1–48) и географические проблемы (с. 48–57). Несколько странным выглядит то, что история в книге предшествует географии: обычно материал дается в обратном порядке, и это, безусловно, гораздо более логично. Во второй части анализируются государственные институты, информация о населенных пунктах страны и ее эллинизации (с. 59–111).

Обзор политической истории Каппадокии выдержан исследовательницей во вполне традиционном ключе. Периоду от образования персидской сатрапии *Katpatuka* до конца существования «селевкидской Каппадокии» (ок. 550–250 гг. до н.э.) уделено 4,5 страницы (3–7) – понятно, что дать здесь обстоятельный анализ событий, приведших к обретению Каппадокией независимости, невозможно в принципе. 250 г. до н.э. исследовательница без каких бы то ни было аргументов⁴ обозначает как примерное начало правления Ариарамна (с. 7–8) и одновременно заключение матримониального союза каппадокийского царского дома с Селевкидами. Правомерно, казалось бы, упоминая этот альянс в контексте брачно-династической политики Антиоха II, соединившей Селевкидов также с Понтом и Вифинией (с. 9), исследовательница, тем не менее, не связывает его со своеобразным «отсчетом лет царского статуса», зафиксированным в «Хронографии» Георгия Синкелла, где приводится информация о продолжительности правления семи «царей Каппадокии» в 160 лет (Sync. P. 322. 6–7 *Mosshammer* = *Diod. XXXI. 19. 9*) – этот источник ею не используется⁵, и совершенно напрасно. Дело в том, что данное сообщение не только дает возможность уточнить годы пребывания Ариаратидов в (условно) царском статусе (учитывая обоснованное ранее прекращение существования династии ок. 100 г.) с 260, а не с 250 г. до н.э., как у автора, но и выявить важный политико-правовой механизм, позволявший малоазийским династиям (каппадокийской, понтийской и вифинской) легитимировать свое положение посредством браков с Селевкидами⁶.

Дальнейшее правление Ариарамна и Ариарата III (с. 10–14) С. Паники рассматривает в связи с их монетным делом (идентификация монетных дворов, иконография и др.), расширением территории государства (впрочем, конфликты этих правителей с галатским племенем трокмов, о которых она говорит, в источниках не отражены) и основанием городов, названных по именам этих правителей. Важнейшие изменения в соотношении сил в Малой Азии, естественным образом затронувшие и Каппадокию, были связаны с «Войной братьев» между Селевком II и Антиохом Гиераксом. Эти события чрезвычайно запутаны, и, похоже, исследовательница в их перипетиях разобраться не смогла. Так, обретение титула βασιλεὺς Ариаратом III (между 230 и 226 гг. до н.э.), синхронное, на ее взгляд, началу его фактического пребывания на престоле (230 г.), она объясняет ослаблением власти Селевкидов после битвы при Анкире (с. 13), хотя выше датирует это сражение каким-то моментом в период между 241 и 239 гг. до н.э.⁷ – так что причинно-следственная связь

⁴ Вместо них содержится лишь «глухая» ссылка на старую статью из *Realencyclopädie*: [Judeich, 1895], где, однако, даты его правления вообще не указаны. Между тем в новом корпусе каппадокийских монет годы пребывания у власти этого правителя (как и в более ранних исследованиях) обозначены примерно 280–230 до н.э. [Simonetta A., 2007, p. 40].

⁵ Цитата из Диодора о генеалогии Ариаратидов в приложении к введению обрывается как раз на этом месте.

⁶ См. наиболее подробно с детальным обзором историографии [Габелко, 2009; Gabelko, 2009] (излишне говорить, что последняя работа осталась С. Паники неизвестной, и тут уже нельзя сослаться на пресловутое *Rossica non leguntur*).

⁷ Автора не смущает, что это событие датируется значительно более ранним временем. М. Ольбрыхт, например, на основе тщательного анализа источников относит его к интервалу 244–242 гг. до н.э. [Olbrycht, 2021, p. 59–62]. Хотя сражение произошло задолго до прихода Ариарата III к власти, С. Паники приписывает ему поддержку Антиоха Гиеракса во время битвы при Анкире (с. 12).

тут, мягко говоря, неочевидна. Кроме того, словоупотребление Страбона (XII. 1. 2) свидетельствует о признании его царем «извне» – то есть, очевидно, Селевкидами в результате предшествующего заключения брака Ариарата со Стратоникой.

С. 14–28 посвящены долгому царствованию Ариарата IV и его отношениям с Римом, чье влияние на состояние дел в эллинистическом мире значительно усилилось после побед над Македонией и Антиохом III. Каппадокийский царь далеко не сразу смог верно оценить обстановку: он вначале послал 2 тыс. воинов на помощь Селевкиду для участия в битве при Магнесии в 189 г. до н.э., а затем поддержал галатов в ходе военной экспедиции римлян против них, возглавленной Гнеем Манлием Вульсоном. За это ему пришлось «выкупить» расположение римлян, выплатив 200 талантов, чтобы Вульсон не вторгнулся на его территорию (App. *Syr.* 42), а затем еще 600 (Polyb. XXXI. 41. 4–7; cf. Liv. XXXVIII. 37. 5). С. Паники правомерно уделяет внимание интерпретации сообщения Страбона (XII. 2. 11) о том, что после заключения Апамейского мира в 188 г. до н.э. римляне заключили договор не только с самим царем, но и с «народом» Каппадокии, а затем обсуждает правовой статус Ариарата, достигнутый им в результате этого соглашения. Важным шагом стало заключение политико-династического альянса с Пергамом в результате организации брака дочери Ариарата с Эвменом II – наиболее сильным и авторитетным на тот момент (благодаря поддержке римлян) малоазийским царем; с этого времени Ариаратиды начинают придерживаться ориентации на Атталидов, хотя определенное влияние при дворе, видимо, сохраняла и проселевкидская группировка. Последние годы правления Ариарата осложнялись необходимостью избегать недовольства со стороны римского сената и внутридинастическими смутами, возникшими из-за интриг его жены, селевкидской царевны Антиохиды.

Параграф о правлении Ариарата V Филопатора (с. 28–43) открывается описанием деталей его воцарения посредством обильного цитирования Полибия и Диодора; аналитическая составляющая тут выражена довольно слабо. Здесь же кратко упоминаются конфликт с недавно обретшей независимость от Селевкидов Коммагеной, дипломатические коллизии с царем Армении Артаксием из-за притязаний последнего на Софену и выстраивание молодым царем взаимоотношений Римом, включая обмен посольствами. Закономерно уделяется внимание узурпации, предпринятой старшим братом Ариарата V Ороферном при поддержке Селевкида Деметрия I, и порожденным ею драматическим событиям в Каппадокии и вокруг нее (с. 35–40). Исследовательница относит (без каких бы то ни было обоснований) начало этой усобицы к 158 г. до н.э., изгнание Ороферна Ариаратом при помощи Аттала II Пергамского – к 156 г.⁸, а ее «отголосок» – конфликт царя с гражданами Приены, которым Ороферн отдал на хранение 400 талантов – к 155 г. Между тем последняя дата выглядит чрезмерно поздней, т.к. в 156 г. Прусий II Вифинский уже начал войну против Пергама, и Аттал II, подвергшийся нападению врага, был бы лишен возможности оказывать Ариарату содействие, что ему в действительности удалось. В целом С. Паники следует здесь исключительно за письменной традицией, игнорируя вносящие дополнительные нюансы в оценку ситуации эпиграфические материалы – два письма Ороферна Приене (Priene 123; 135). Ничего нового в освещении этих событий по сравнению со сделанным в историографии ранее мы не находим.

В дальнейшем Ариарат проводил активную «культуртрегерскую» деятельность, а также целиком следовал в русле политики Пергама (участие в свержении Деметрия I в Сирии) и Рима, присоединившись к подавлению восстания Аристоника в Пергаме, в ходе кото-

⁸ Эти даты, видимо, заимствованы (без ссылок) из работы А. Симонетты, который тщательно обосновывает их исходя из датировок монет Ариарата по годам его правления [Simonetta A., 2007, p. 53]; в этом месте допущены странные опечатки – 187 и 186 вместо 157 и 156). Интересно, что Б. Симонетта предлагал существенно более ранние даты – 161–159 гг. [Simonetta B., 1977, p. 24–26].

рого и погиб в 130 г. до н.э. С. Паники считает (с. 43), что это произошло в сражении при Стратоникее в Карии.

Параграф, посвященный последним Ариаратидам, занимает с. 43–48. В эти десятилетия Каппадокия испытывает серьезные трудности, будучи значительно ослаблена внутренними смутами, заговорами и узурпациями при царском дворе в Мазаке. Это естественным образом способствовало превращению ее в объект агрессивных притязаний со стороны Митридатов V и особенно VI Понтийских, Рима, а на определенное время – даже Никомеда III Вифинского. В этой части работы С. Паники вновь фактически скупно пересказывает содержание нарративных источников, в первую очередь – Помпея Трога / Юстина, лишь в минимальной степени используя результаты других исследований. Ариарата X и возможность его кратковременного воцарения она не упоминает вообще, какие-либо итоги правления династии не подводятся.

Раздел о каппадокийской географии достаточно обширен (с. 48–57) и довольно содержателен: автор демонстрирует основательное знание текста Страбона, прекрасно осведомленного о регионе центральной Малой Азии, и органично дополняет его данными других источников, что в итоге позволяет ей создать неплохой обзор рельефа страны, ее природных ресурсов, внутреннего географического и административного деления, динамики изменения границ, связей с соседними государствами и областями и др. Определенное место С. Паники уделяет храмовым общинам (*stati-templari*) Каппадокии: Комане, Венасе, Тиане, Дастарке, Кастабале, системе ее укреплений и дорог (с. 53–57). Создается впечатление, что эта тематика для исследовательницы значительно ближе и интереснее, нежели политическая история.

Во второй части рассмотрение государственных институтов Каппадокийского царства автор закономерно начинает с фигуры царя (с. 61–69). Здесь уделено некоторое внимание роли цариц, иногда выступавших регентшами, влиянию на управление государством со стороны знати, причем особо подчеркивается роль правителей Команы и Венасы (автор говорит даже о каппадокийской «диархии», поскольку верховные жрецы Команы фактически обладали статусом, близким к царскому). Рассмотрена, хоть и только на уровне констатации хорошо известных из источников фактов, брачно-династическая политика Ариаратидов, связывающая их с домами Селевкидов, Митридатидов и Атталидов. Кратко характеризуются титулатура царей, их тронные эпитеты (Евсевий, Элифан, Филопатор, Никефор, Филометор). Говоря о царских регалиях, отраженных, прежде всего, в монетной иконографии, С. Паники делает упор на использовании Ариаратидами диадемы и другой «общееллинистической» символики, восходящей еще к Александру Великому (с. 65–66), хотя портреты некоторых каппадокийских царей на монетах снабжены персидскими головными уборами различных типов⁹. В религиозной политике Ариаратидов (с. 66–68) автор проводит разделение между собственно династическими и «городскими» культами, хотя, к сожалению, документирующие эту проблематику эпиграфические материалы довольно скудны. Кратко рассмотрена также политика царей по отношению к городам (с. 68–69). При обзоре структуры и функций царского двора (с. 69–71), С. Паники «из общих соображений» упоминает присутствие при дворе Ариаратидов представителей персидской знати, но не приводит тому конкретных подтверждений, хотя в этой связи мог бы быть упомянут Гиперанф, посол Ороферна в Приене – это, судя по всему, эллинская огласовка иранского аристократического имени, известного уже Геродоту (VII. 224). При анализе немногочисленных сведений о каппадокийской военной организации (с. 71–73) автор исходит из предположения о том, что в целом ее формирование и развитие следовали тенденциям, распространенным во всем эллинистическом мире, но правомерно привлекает внимание к

⁹ Эти изображения сведены в полезную таблицу К. Михельсом [Michels, 2009, S. 246].

значительной роли конницы в составе армии. К сожалению, она упустила из виду основательную статью, посвященную именно военной истории Ариаратидов, авторами которой являются видные эксперты в эллинистической нумизматике П. Йоссиф и К. Лорбер [Jossif, Lorber, 2010].

На с. 73–78 исследовательница дает довольно обстоятельный разбор данных об административном устройстве царства и делении его на стратегии. В разделе о населенных пунктах (с. 78–103) Каппадокии суммированы скудные данные в общей сложности о 26 известных из источников связанных с этим регионом топонимах.

Заключительная глава второй части многозначительно названа «Между иранизмом и эллинизмом» – автор, как она сама подчеркивает (с. 108), стремится следовать подходу, сформулированному в монографии известного итальянского ученого Д. Ашери о Ликии [Asheri, 1983]. Здесь представлены, иногда с новой расстановкой смысловых акцентов, уже анализировавшиеся ею ранее материалы об «эллинизации» Каппадокии, распространении в ней греческой культуры и пр. Однако эта декларация оказывается, по большому счету, бессодержательной: если Д. Ашери действительно удалось наполнить важный концептуальный тезис о взаимодействии греческой, персидской и ликийской политических и культурных традиций конкретными фактами, то в рецензируемой работе (и конкретно в этой ее части) об иранизме не говорится, в сущности, ничего. Дело ограничивается лишь стандартным указанием на «квази-феодальный» характер каппадокийского общества. Определенное место занимает также перечисление происходящих из Каппадокии негреческих имен, но в этом направлении продуктивно работал еще Л. Робер [Robert, 1963, p. 449–540], которому автор в основном и следует. Между тем выявление иранско-ахеменидских институтов в организации царской власти, двора и политической системы Каппадокии должно стать объектом самостоятельного изучения¹⁰. И С. Паники опять-таки проходит мимо возможностей работать в этом направлении – так, она вообще не упоминает каппадокийский календарь, имеющий очевидное иранско-зороастрийское происхождение¹¹. В заключении (с. 109–112) подводятся основные итоги работы.

В книге содержится лишь две иллюстрации – генеалогическая стемма царей Каппадокии и карта региона. Далеко не лишним было бы расширение этого скудного перечня хотя бы за счет фотографий монет каппадокийских правителей – именно они дают, без сомнения, самые яркие примеры «иранизма» в политике Ариаратидов, проявляющиеся в их иконографии.

В тексте обнаруживается целый ряд мелких ошибок и неточностей (некоторые уже были перечислены ранее). На с. VIII длительность правления Ариобарзанидов определена с 95 по 36 г. до н.э., тогда как в другом месте (с. 62), начало этого периода отнесено к 100 г. до н.э., как это и следует непосредственно из принимаемого С. Паники времени гибели дома Ариаратидов. Совершенно странно выглядят даты правления вифинского царя Никомеда I – 280–245 гг. до н.э. (с. 7) – обычно его смерть датируют временем лет на десять раньше. Небрежности встречаются в оформлении библиографии: фамилия датской исследовательницы, дважды упомянутой в книге (с. 103, 117) – Hannestad, а не Hannstad,

¹⁰ См.: [Gabelko, 2017, p. 324–325] – своеобразное представительство «народа каппадокийцев» в государственных делах, вероятно, имеющее связь с присутствующей в тексте Бехистунской надписи идеей «народов-войска» (kaṛā); p. 326 – необычная практика передачи престола, отличающаяся от распространенного в других эллинистических монархиях соправительства и, возможно, имеющая персидские прецеденты. Кроме того, имеются все основания полагать, что Ариаратиды следовали ахеменидскому обыкновению принятия монархом официального тронного имени при вступлении на престол: из десяти Ариаратов явно не все изначально звались именно так; см. [Берзон, Габелко, 2018, с. 49–50; 60].

¹¹ См. о нем содержательную статью: [Panaino, 2010]. Сама же С. Паники упоминает только о распространении в Каппадокии македонского календаря как свидетельстве эллинизации страны (с. 82, 107).

как у автора. Статья В. Юдайха об Ариарамне странным образом отсутствует в списке литературы.

Подводя итог этому обзору, приходится, к сожалению, высказать сугубо отрицательную оценку рецензируемой книги: она фактически написана на уровне средней степени добротности студенческой дипломной работы. В ней учтены данные далеко не всех источников, продемонстрирован избирательный подход к историографии (объясняемый плохим знанием ее), компилятивно обобщены данные лишь некоторых значимых исследований, отсутствует сколько-нибудь серьезный анализ материала, не высказывается каких бы то ни было принципиально новых идей. Эта книга попросту поверхностна и не только ни в коей мере не ставит точку в изучении проблематики, связанной с эллинистической Каппадокией, но и не может быть расценена как сколько-нибудь значительный шаг вперед в этом направлении¹². Все вышесказанное никак не позволяет согласиться с высокой оценкой, высказанной в адрес брошюры С. Паники шведским антиковедом П. Роосом¹³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Берзон Е.М., Габелко О.Л. METONOMASIA как средство династической политики в эллинистическом мире. *Вестник древней истории*. 2018. Т. 78. № 2. С. 234–256 [Berzon E.M., Gabelko O.L. METONOMASIA as an Instrument of Dynastic Politics in the Hellenistic World. *Journal of Ancient History*. 2018. Vol. 78. No. 2. Pp. 234–256 (in Russian)].

Габелко О.Л. К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов. *Античный мир и археология*. 2009. Вып. 13. С. 92–119 [Gabelko O.L. On the Dynastic History of the Hellenistic Cappadocia: The Ariarathid Royal House. *Classical World and Archaeology*. 2009. Vol. 13. Pp. 92–119 (in Russian)].

Asheri D. *Fra Ellenismo e Iranismo. Studi sulla società e cultura di Xanthos nella età Achemenide*. Bologna: Pàtron editore, 1983.

Ballesteros Pastor L. Cappadocia and Pontus, Client Kingdoms of the Roman Republic from the Peace of Apamea to the Beginning of the Mithridatic Wars (188–89 BC). *Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer* (2. Jh. v.Chr. – 1. Jh. n.Chr.). A. Coskun (Hrsg.) Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2008. Pp. 45–63.

Ballesteros Pastor L. *Mitridates Eupátor, rey del Ponto*. Granada: Universidad de Granada, 1996.

Ballesteros Pastor L. *Nullis umquam nisi domesticis regibus*. Cappadocia, Pontus and the Resistance to the Diadochi in Asia Minor. V *After Alexander. The Time of the Diadochi (323–281 BC)*. A. Troncoso, E.V. Anson (eds.). Oxford; Oakville: Oxbow Books, 2013(1). Pp. 183–198.

Ballesteros Pastor L. *Pompeyo Trogo, Justino y Mitridates. Comentario al Epítome de las Historias Filipicas (37.1.6–38.8.1)*. Heidelberg; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2013(2).

de Callatay F. *L'Histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies*. Louvain-la-Neuve: Association de numismatique professeur M. Hoc, 1997.

Dmitriev S. Cappadocian Dynastic Rearrangements on the Eve of the First Mithridatic War. *Historia*. 2006. Bd. 55. Ht. 3. Pp. 285–297.

Gabelko O.L. The Dynastic History of Hellenistic Monarchies of Asia Minor According to the “Chronography” by George Synkellos. *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. J.-M. Højte (ed.). Aarhus: Aarhus University Press, 2009. Pp. 47–61.

¹² Своеобразным, хоть и косвенным признанием самим автором того обстоятельства, что рецензируемая работа не решает всех затрагиваемых в ней проблем, выглядит недавний выход в свет новых статей С. Паники по каппадокийской тематике со значительно более подробным, чем ранее, рассмотрением ряда вопросов: [Panichi, 2018 (в книге материал, анализируемый в данной статье, занимает один абзац на с. 41); 2019]. Что мешало изначально включить этот материал в книгу и сделать ее куда более содержательной?!

¹³ <http://bmcr.brynmawr.edu/2019/2019-05-16.html> (accessed: 30.05.2023).

Gabelko O.L. Bithynia and Cappadocia: Royal Courts and Ruling Society in the Minor Hellenistic Monarchies. *The Hellenistic Court. Monarchic Power and Elite Society from Alexander to Cleopatra*. A. Erskine, L. Llewellyn-Jones and S. Wallace (eds.). London; Swansea: The Classical Press of Wales, 2017. Pp. 319–342.

Glew D.G. The Cappadocian Expedition of Nicomedes III Euergetes, King of Bithynia. *American Numismatic Society Museum Notes*. 1987. Vol. 32. Pp. 23–55.

Iossif P.P., Lorber C.C. *Hypaithros*: A Numismatic Contribution to the Military History of Cappadocia. *Historia*. 2010. Bd. 59. Ht. 4. Pp. 432–447.

Judeich W. Ariamnes (2). *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1895. Hbbd. 3. Sp. 813.

Matsumura K. Animal and Human Skeletons from Late Stratum II Pits at Kaman-Kalehöyük. *Anatolian Archaeology Studies*. 2007. Vol. 16. Pp. 97–110.

Michels C. *Kulturtransfer und Monarchischer Philhellenismus: Bithynien, Pontos und Kappadokien in Hellenistischer Zeit*. Göttingen: Ruprecht, 2008.

Olbrycht M.J. *Early Arsakid Parthia (ca. 250–165 B.C.): At the Crossroads of Iranian, Hellenistic, and Central Asian History*. Leiden; Boston: Brill, 2021.

Panaino A. Nuove considerazioni sul Calendario Cappadoce. Persistenze e adattamenti dell'eredità achemenide nella storia di un piccolo regno tra mondo macedone, seleucide, attalide, partico e romano. *New Studies on the Seleucids*. E. Dąbrowa (ed.). Kraków: Jagiellonian University Press, 2011. Pp. 159–174.

Panichi S. Alexander and Cappadocia. *Anabasis*. 2018. Vol. 9. Pp. 62–79.

Panichi S. Re e sacerdoti nei regni ellenistici della Cappadocia e del Pont. *Geographia antiqua*. 2019. Vol. XXVIII. Pp. 55–69.

Robert L. *Noms indigènes dans l'Asie-Mineure gréco-romaine*. Paris: Librairie Adrien Maisonneuve, 1963.

Simonetta A.M. The Coinage of the Cappadocian Kings: A Revision and a Catalogue of the Simonetta Collection. *Parthica*. 2007. Vol. 9. Pp. 9–152.

Simonetta B. *The Coins of the Cappadocian Kings*. Fribourg: Office du Livre, 1977.

Von Gaertringen H. *Inscriptionen von Priene*. Berlin: G. Reimer, 1906.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГАБЕЛКО Олег Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Oleg L. GABELKO, DSc (History), Professor with the Department of Ancient History, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.